
А. А. ДОЛИН

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЯПОНИИ: НЕВЕЛИКОЕ В МАЛОМ

Статья посвящена инсайдерскому анализу проблем гуманитарного образования в Японии. Автор на основании многолетнего опыта работы в ведущих японских гуманитарных вузах анализирует систему школьного и университетского образования в диахроническом срезе и приходит к выводу о постепенной деградации историко-филологического комплекса дисциплин в средней и высшей школе за послевоенный период. Наиболее тревожным фактом, по мнению автора, являются отчуждение новых поколений японских студентов от великого наследия национальной и мировой классической литературы, которая переходит в категорию «музейных древностей», и торжество идеологии прагматического консюмеризма над подлинной духовностью.

Ключевые слова: гуманитарные дисциплины, школьное образование, высшее образование, круг интересов, художественная литература.

Япония известна во всем мире как страна высокой культуры с отлично налаженной системой образования. Действительно, в ней действует более 790 университетов, в том числе 86 наиболее престижных национальных, 95 – в статусе публичных общественных корпораций и более 600 – частных. Так называемое третичное (высшее) образование охватывает 59 % населения страны, что составляет абсолютный мировой рекорд (подробнее см.: Белов и др. 2014; в ряду полезных ссылок о ситуации с высшим образованием в Японии отметим: Education System... n. d.; Education... n. d.; High... 2014; Higher... n. d., 2015; Japan n. d.; 高等教育の“日本病” 2012).

Поступить в университет стремится подавляющее большинство молодежи, поскольку диплом открывает ныне путь к карьере в самых перспективных профессиях. При приеме учитываются результаты государственных экзаменов в школе (аналог ЕГЭ) и результаты двух-трех, а иногда и четырех приемных экзаменов по профилю вуза. Часть мест резервируется за лучшими учениками, которые

представляют рекомендацию от директора школы и сочинение на вольную тему.

Университеты сами вырабатывают правила набора, сообразуясь со своими конкурентными возможностями, поскольку государственные и общественные вузы находятся на частичной, а частные – на полной самокупаемости. Разумеется, студенты в основном стремятся получить специальность, которая обеспечила бы им в ближайшем будущем стабильную работу и достойную зарплату. Но в Японии такие гарантии могут дать только факультеты естественных наук...

Сегодня в Японии, по официальной статистике, 174 университета предлагают по одной (!) магистерской программе в какой-то из гуманитарных дисциплин. Правда, университетов, имеющих в своем расписании гуманитарные дисциплины для бакалавриата, значительно больше. Самыми популярными считаются гуманитарные кафедры в университетах Дзёти, Риккё, Кансай, Тиба, Васэда, Канадзава, Иватэ, Фукуи, Международном христианском университете, Международном университете Окинавы. Но к ним стоит добавить и такие известные вузы, как Токийский университет (самый престижный по рейтингу вуз страны), Токийский университет иностранных языков, Киотский университет, университет Досия, Международный университет Акита, Азиатско-Тихоокеанский университет и некоторые другие. Следует ли из этого, что система гуманитарного образования в Японии функционирует нормально? Очевидно, нет, если от самого правительства исходят призывы к ее упразднению или максимальной редукции.

* * *

Проблемы как школьного, так и высшего образования в Японии давно уже привлекают внимание западных исследователей, скрупулезно подсчитывающих проценты прироста студенческой молодежи относительно общей численности населения страны и увеличение контингента иностранных стажеров в контексте программы глобализации. Реформы японского высшего образования, как правило, оцениваются вполне позитивно. При этом едва ли вплоть до 2015 г. можно было найти хоть одну статью в японской или западной специальной литературе, содержащую конструктивную критику существующей системы образования и, в частности, такой важ-

нейшей его области, как гуманитарные науки. Так продолжалось до тех пор, пока Министерство образования, спорта, туризма, науки и техники неожиданно не объявило о намерении *радикально редуцировать или вовсе закрыть за ненадобностью* факультеты гуманитарных наук в крупнейших вузах страны.

Разосланное по университетам в виде циркулярного письма требование министра Симамуры Хакубана повергло в шок как японских, так и западных членов преподавательского сообщества, которые выступили с протестными петициями и возмущенными индивидуальными заявлениями. Однако так ли уж неожиданна и необоснованна была атака правительства на цитадели гуманитарных наук? Имелись ли у правительства объективные причины для подобного афронта? Насколько велика в современной Японии нужда в гуманитариях и что вообще подразумевается под этим расплывчатым термином?

Хотя Япония известна во всем мире как страна вековых культурных традиций, ситуация с гуманитарным образованием оставалась все последние десятилетия достаточно напряженной и продолжала ухудшаться на протяжении всего послевоенного периода.

* * *

В Средние века, и особенно в эпоху позднего Средневековья, когда островная империя по воле сёгунов была почти полностью отрезана от внешнего мира, с гуманитарным образованием широких слоев населения все обстояло гораздо лучше, чем ныне, в эпоху информационной революции и глобализации.

Период Токугава (1603–1868), ознаменованный двумя с половиной столетиями мирной жизни (не только без внешних войн, но и без внутренних междоусобиц), стал для Японии, при всех издержках жесткого феодального режима, эрой экономического благополучия и расцвета культуры. Не случайно некоторые исследователи проводят не слишком правомерную параллель между эпохой Эдо и европейским Возрождением. Если такое сравнение и допустимо применительно к самим писателям, поэтам, драматургам и художникам, то по количеству и качеству потребителей высокой культуры аудитория в европейских странах существенно отличалась от японской в худшую сторону. Основные различия проистекали, разумеется, из специфики и масштаба гуманитарного образования.

Как известно, в Европе вплоть до XIX в. языком науки и высшего образования была латынь, доступ к которой имели преимущественно представители дворянства и католическое духовенство. Хотя простолюдным не возбранялось изучать латинский язык и таковых насчитывалось немало в рядах студентов, а также священников и монахов, процент получивших классическое образование относительно всего населения Франции, Англии, Испании или Германии был ничтожен. Даже для знати владение латынью было вовсе не обязательно. Художественная литература и поэзия со времен Возрождения активно развивались на национальных языках, но произведения писателей и поэтов тоже предназначались в основном для аристократии и интеллектуальной элиты, не будучи рассчитаны на среднего горожанина, а тем более крестьянина.

Между тем в Японии времен позднего Средневековья уровень грамотности достигал 30 % в среднем по стране, но в больших городах держался на уровне 70–75 %. И если в Европе понятие «грамотность» подразумевало умение элементарно читать и писать, то в Японии, Китае или Корее грамотность означала совсем другое. Под нею подразумевалось освоение иероглифической базы в 3–4 тысячи знаков (почти вдвое больше современного иероглифического минимума), что открывало доступ к отечественной классической литературе, а при желании также и ко всему массиву культурного наследия Китая, которое служило для стран Восточной Азии неиссякаемым источником духовных ценностей.

Самураи, наиболее привилегированное сословие, получали образование в клановых школах (*ханко*), иногда дополняя его занятиями с частными учителями. Это было вполне качественное образование конфуцианского образца. Оно включало освоение иероглифики на материале классической японской литературы, включая сложные версии каллиграфической скорописи и кодированной азбуки *хэнтайгана*, изучение этических норм кодекса бусидо с отсылкой к китайской истории и философии (конфуцианское пятикнижие, «Исторические записки» Сыма Цяня и другие полезные труды), чтение классической китайской поэзии, освоение стихосложения в жанре *танка*, а иногда и *хайку*. Как само образование в клановых школах, так и вся элитарная культура были фактически билингвистичны, хотя уровень владения китайским мог сильно варьироваться.

Купцы и ремесленники, ставшие в эпоху Эдо, несмотря на свое ущербное социальное положение, движущей силой прогресса, стимулировали развитие многочисленных новых направлений в литературе и искусстве и стремились не отстать от самураев. К ним подтягивалась и земская интеллигенция, зажиточные земледельцы. Учитывая, что в социальной сфере действовали суровые сословные запреты, которые распространялись почти на все виды жизнедеятельности вплоть до права носить оружие, размера жилья, прически и цвета одежды, именно литература и искусство оставались единственной свободной от ограничений и классовых барьеров зоной.

В литературе, живописи и театре, как и в прикладных искусствах наподобие садово-паркового дизайна или икебаны, все определялось исключительно уровнем образования и масштабом таланта. Выходцы из разных сословий творили бок о бок и соперничали друг с другом на литературной арене или в живописи, создавали, продавали и приобретали артефакты, читали лекции и формировали школы.

При этом простолюдины получали начальное, а порой и среднее образование в основном в храмовых школах при больших и малых буддийских храмах (*тэракоя*). Учитывая, что храмов по стране насчитывалось много десятков тысяч и при каждом имелись профессионально подготовленные настоятели, а нередко и солидный монашеский контингент, образование становилось доступно широким народным массам. Сами же храмы на протяжении веков оставались центрами культурной деятельности, и монашеским общинам принадлежит честь создания великого множества шедевров литературы и искусства.

В семьях городской и земской интеллигенции многим предоставлялась возможность продолжить образование – в частности, расширив круг чтения отечественной классики и овладев китайским. Для тех же, кто поступал в школу хайку, становился профессиональным актером, живописцем, керамистом или музыкантом, ученичество, включающее чтение специальных трактатов, продолжалось еще многие годы.

Однако еще раз подчеркнем специфику восточноазиатской грамотности. Помимо свободного владения всем объемом японо-китайской иероглифики, значительно превосходившим современные минимумы, грамотный японец должен был также в совершен-

стве владеть скорописью, которая имеет с уставным письмом весьма отдаленное сходство. Современные японские студенты, не говоря уже о школьниках, скорописью не владеют вообще и читать скорописные старые тексты не могут. Между тем в эпоху Эдо фактически все книги просто для усиления эстетического эффекта *печатались* в полускорописном или скорописном написании – и, разумеется, читались без затруднений.

Если обратиться к содержанию рассказов, повестей, драм и стихов эпохи Эдо, мы увидим во всех литературных текстах невероятное количество аллюзий, реминисценций, скрытых и прямых цитат из древней и раннесредневековой классики. Естественно, все отсылки к классике должны были быть без комментариев понятны читателю, зрителю или слушателю. И действительно, культурное пространство страны, созданное уникальной системой массового образования, давало такую возможность. В больших городах также существовали стенды объявлений со сводками последних новостей, которые устанавливались на людных перекрестках и постоянно обновлялись, играя роль массовой газеты. Имелись и распечатки «газетных» листков, которые доставлялись разносчиками в жилые кварталы.

Высокий уровень массового образования породил спрос на художественную литературу, удовлетворить который призваны были десятки издательских домов, выпускавших книги на любой вкус многотысячными (!) тиражами. Наиболее ярким примером может служить издательский дом Цутая, работать на который почитали за честь лучшие писатели и художники эпохи Эдо. В наши дни имя Цутая носит гигантская всеяпонская сеть видеопроката (хотя современная молодежь название сети ни с каким историческим персонажем уже не ассоциирует). Помимо иллюстрированных переизданий классики, в эпоху Эдо был налажен массовый выпуск литературы по рубрикам, которые определялись тематикой, полом и возрастом читателей.

Индустрия массовой литературы не уступала ее современным аналогам в Японии и на Западе, а кое в чем и превосходила, поскольку оформлением книг, выходивших с цветными и черно-белыми иллюстрациями почти на каждой странице, занимались не примитивные ремесленники в жанре *манга*, а лучшие живописцы

своего времени (с целыми цехами подмастерьев), что вскоре превратило гравюру *укиё-э* в некий беспрецедентный феномен массового высокопрофессионального искусства. Как и в книгах эпохи Токугава, в гравюре *укиё-э* отразились все грани народной жизни.

* * *

После реставрации Мэйдзи (1868 г.) как гуманитарное, так и техническое образование в Японии вышло на новый уровень. Вся система народного образования была перестроена по европейским образцам. Появились школы (с делением на начальную, среднюю и повышенную среднюю), технические училища и университеты. К концу XIX в. Япония уже располагала первоклассными вузами, среди которых можно назвать девять имперских университетов в больших городах: Токио, Киото, Нагоя и другие, включая университеты в колониях – в Сеуле и на Тайване, Высшую школу иностранных языков (ныне Токийский университет иностранных языков), университет Мэйдзи Гакуин, университет Кэйо и ряд других. Бурными темпами росло число частных университетов. Преподавательский состав в недавно основанных университетах формировался в значительной степени из приглашенной западной профессуры, которой предстояло воспитать новые поколения японской интеллигенции.

Первое десятилетие периода Мэйдзи знаменовалось типичным низкопоклонством перед Западом, которое породило тенденцию тотальной вестернизации. Наряду с радикальными реформами, направленными на модернизацию в области промышленности, сельского хозяйства и армии, многие общественные деятели предлагали фактически отказаться от национального литературного и художественного наследия, законсервировав его и передав в музей, а строительство культуры новой Японии начать с чистого листа, заимствуя все лучшее у Запада. Наиболее радикально настроенные «западники» в театральной сфере считали необходимым заменить театры *но*, *кабуки* и *бунраку* на театр европейского типа. Так увидел свет театр нового направления *симпа*, а в 1922 г. открылся первый драматический театр западного стиля *сингэки*. К счастью, *но*, *кабуки* и *бунраку* не были закрыты и благодаря поддержке правительства, а также частных меценатов благополучно дожили до наших дней.

В области литературы суровому осуждению подверглось «развлекательное чтение» (*гэсаку*) периода конца сёгуната, хотя эти романы и повести создавались замечательными мастерами приключенческого жанра и жанра *мистери*, а также талантливыми сатириками. На смену *гэсаку* поначалу был предложен ходульный «политический роман», а в дальнейшем вдохновленные западной классикой произведения школ японского натурализма, реализма и модернизма со множеством ответвлений. Параллельно шел процесс ускоренного ознакомления читателя со всем массивом западной литературы, включая русскую, которая по ряду причин заняла особое почетное место в японском культурном социуме.

Поэты Нового времени после продолжительных дебатов отказались от мысли о ликвидации традиционных жанров *танка* и *хайку* и пришли к идее четкого размежевания. Адепты *танка* и *хайку*, занимаясь реформацией традиционной поэзии, все же стремились оставаться до известной степени в рамках канона, считая себя наследниками великих мастеров древности и Средневековья. Многие консерваторы продолжали слагать *канси* (стихи на китайском), что также являлось неотъемлемой частью средневековой поэтической традиции.

Принципиально иное направление избрали поэты «новых форм» (*синтайси*, *киндайси* и *гэндайси*), создавшие в минувшем столетии немало шедевров, вполне сопоставимых с лучшими творениями европейских и американских бардов. Для поэтов совмещение обеих тенденций было редчайшим исключением, но читателю предоставлялась прекрасная возможность знакомиться с обоими направлениями во всем многообразии жанров, стилей и талантов.

Изобразительное искусство претерпело сходные изменения и прошло путь от отрицания отечественного художественного наследия (в первую очередь гравюры *укиё-э* как низкого жанра) и слепого ученичества до разделения на два направления: «вестернизаторское» (*ёга*) и японоцентристское (*нихонга*). Оба течения сохранились до наших дней, хотя живопись *ёга* сильно мутировала под влиянием всевозможных модернистских и постмодернистских западных школ. Существенным дополнением к живописи традиционалистского толка явилась живопись тушью (*сумиэ* или *суйбокуга*), ныне завоевывающая страны Запада и Россию. Зритель же по-

лучал уникальную возможность приобщиться одновременно к культуре Востока и Запада.

Японская гуманитарная интеллигенция, впитавшая лучшие достижения мировой культуры, являла собой в тот период сообщество свободно мыслящих художников, поэтов, писателей, актеров и режиссеров, создателей нового, невиданного культурного социума. Это была культура японского Серебряного века, нашедшая широчайший отклик в сердцах прекрасно образованных и тонко чувствующих современников – как в самой Стране восходящего солнца, так и в странах Запада, где легкомысленный *Japonisme* начала XX в. вскоре уступил место непреходящему восхищению и увлечению самыми различными феноменами японской цивилизации: от икебаны до дзюдо, от чайной церемонии до кинематографа. Именно в тот период была создана прочная духовная основа, на которой зиждется японское общество и поныне.

Концепция восточно-западного синтеза культур доминировала в сознании японской интеллигенции на протяжении полувека вплоть до наступления мрачных времен торжества монархофашизма, сделавшего своей идеологической базой расизм и национал-шовинизм. В тридцатые и сороковые годы вплоть до поражения в войне японская культура служила отражением радикальных националистических веяний.

Первой жертвой национал-шовинизма стало, разумеется, образование, из которого были изъяты все либеральные глобалистские элементы. Прежнюю открытость миру и широту взглядов сменила оголтелая националистическая пропаганда, замешанная на теориях расового превосходства и национальной исключительности, наполненная ненавистью к Западу и отрицающая всемирный характер культурных достижений. Культ императора и фанатичная ксенофобия вытеснили гуманистические учения, еще недавно владевшие умами японской интеллигенции. Характерно, что поворот от политики демократического глобализма к политике колониальных завоеваний добровольно поддержало большинство деятелей культуры. Впрочем, так же единодушно было их раскаяние после поражения страны в войне и беспрекословное принятие условий американской оккупации.

* * *

В первое послевоенное десятилетие Япония пережила демократический гуманитарный бум, в немалой степени обусловленный оккупационным режимом. В период оккупации американцы ликвидировали систему государственного синто, отделив религию от государства и денонсировав «божественный» статус императорского дома. Они также ввели жесткую цензуру, объявив табуированными любые темы, имеющие даже косвенное отношение к японскому милитаризму. Под запрет попали все средневековые романы и эпические предания, воспевавшие подвиги самураев, пьесы *кабуки* и *бунраку* с самурайской тематикой, равно как и предвоенные книги и фильмы соответствующей направленности.

Творческая интеллигенция, которая чувствовала себя несправедливо ущемленной в правах, вынуждена была подчиниться и направить усилия в другую сторону. Поскольку предстояло строить новую, демократическую Японию почти с нуля, деятели культуры, еще недавно усматривавшие национальную идею в «императорском пути», дружно обратились к пропаганде демократических ценностей. Помимо множества антивоенных книг, фильмов и картин, увидели свет массовые движения, призванные возродить самосознание и самоуважение нации при посредстве ее богатейшего культурного наследия. Так возникло движение «Поющие голоса Японии» и массовое движение народной поэзии, организаторами которого стали ведущие мастера *танка*, *хайку* и *гэндайси*. Песни и стихи надолго стали аккомпанементом борьбы трудящихся за свои права. В то же время ученые гуманитарного профиля не жалели стараний для возрождения достоинства национальной культуры, публикуя серии книг по японской литературе, истории, искусству и ремеслам.

При поддержке Министерства образования, спорта, туризма, науки и техники, а также Министерства иностранных дел Япония развернула широкую кампанию по экспорту национальной культуры, что в кратчайшее время помогло восстановить изрядно пострадавший имидж страны на международной арене. В Европу и США хлынул поток японских преподавателей боевых искусств, икебаны, чайной церемонии, ландшафтного дизайна, *суми-э*, *оригами* и дзэн-буддийских медитативных практик.

«Японский бум», начавшийся в 1950-е гг., подогретый японским «экономическим чудом» и продолжающийся с переменным успехом вплоть до наших дней, бесспорно, помог стране пережить военную катастрофу, тяготы оккупации и трудности восстановительного периода, сохранив духовный стержень нации. Однако на пути возрождения оказалось немало препон, о которые японское общество спотыкается уже не одно десятилетие. И основные причины трудностей кроются, на наш взгляд, в крайне противоречивой природе послевоенной реформы образования, превратившей гуманитарные дисциплины в малозначимый придаток системы.

* * *

Реформирование среднего и высшего образования в Японии было осуществлено в 1947 г. с подачи американских оккупационных властей, которые ставили первоочередной задачей демократизацию страны и искоренение националистических тенденций. Если японские вузы сохранили, по образцу американских, права автономии и могли более или менее самостоятельно регулировать свои программы (хотя поначалу они также подвергались цензуре), то школа претерпела коренные преобразования и была переориентирована с комплексного всестороннего обучения на чисто прикладное. Эта перестройка действительно способствовала осуществлению японского «экономического чуда», но в то же время она положила начало выхолащиванию гуманитарного образования в стране, которое достигло апофеоза в 2015 г., когда Министерство образования, спорта, туризма, науки и техники призвало к ликвидации за ненадобностью гуманитарных факультетов в крупнейших вузах Японии.

В результате реформы 1947 г. из программы школьного обучения был исключен китайский язык вместе со всем массивом китайской классики, которая веками составляла костяк «конфуцианского» традиционного обучения.

Одновременно в целях облегчения учебного процесса был введен языковой стандарт (*хёдзюngo*), сокративший употребительный иероглифический минимум почти вдвое – до 1850 знаков.

Удар был нанесен по всему комплексу гуманитарных дисциплин. Отделение религии от государства повлекло запрет на упоминание любых видов религии в школьных программах, что, в сущности, привело к серьезной деформации культурного кода нации.

Молодые японцы действительно перестали интересоваться религией, с трудом улавливая отличие между буддизмом и синтоизмом, не говоря уже о других вероучениях, и в наши дни в подавляющем большинстве позиционируют себя как атеисты. Конечно, почти все по инерции все еще соблюдают домашнюю обрядность, например, в случае проведения похорон и свадеб.

Кроме того, стар и млад охотно принимают участие в многочисленных календарных и храмовых праздниках, но при этом люди очень редко задумываются о религиозных коннотациях того или иного праздника. Тем более что к синтоистским и буддийским в последние десятилетия добавились такие христианские (и антихристианские) праздники, как Рождество, день Святого Валентина или Хэллоуин. О последних трех известно только то, что на Рождество ставят елку и Санта кладет под нее подарки, на Святого Валентина любимым дарят шоколад, а на Хэллоуин рядятся в маски и вырезают тыквы. К какому историческому событию, собственно, относится Рождество, кто такой Святой Валентин и что такое День Всех Святых, японская молодежь, за редчайшими исключениями, понятия не имеет.

Еще меньше она задумывается о характерных свойствах многочисленных божеств буддийского пантеона (за исключением пары наиболее популярных бодхисатв Каннон и Дзидзо) или «восьми тысяч» божеств синто. Тем более что божества обеих религий исторически находятся в сложных взаимоотношениях, замещая друг друга по принципу *хондзи-суйдзюку**. Как правило, дело ограничивается ритуальным посещением храмов на Новый год или перед вступительными экзаменами в вуз, когда можно оставить в храме деревянную табличку с просьбой об успехе.

Распространившийся за последние десятилетия стихийный атеизм можно было бы считать вполне позитивным трендом в контексте длящейся информационно-технической революции и приметой нашего времени, если бы он в сочетании с рядом других факторов не вел к душевному обнищанию и духовной дистрофии населения

* Хондзи-суйдзюку – концепция синто-буддийского синкретизма, утверждающая, что японские синтоистские божества *ками* являются временными воплощениями будд и бодхисатв или извечного Будды. – *Прим. ред.*

Японских островов. Именно в Японии, известной как страна древней культуры и бережно лелеемых традиций, сегодня ускоренными темпами идет процесс «деспиритуализации», превращения населения в гомогенную массу, живущую в относительном достатке по законам консюмеризма и мало заботящуюся о великих духовных ценностях мировой цивилизации. Разумеется, здесь надо сделать поправку на существование отдельной маломасштабной ноосферы, в которой обитают выдающиеся, всемирно известные художники, архитекторы, дизайнеры, кинорежиссеры и их ближайшее окружение.

Для среднего же японца с высшим, в том числе и гуманитарным, образованием, принадлежащего по социальной иерархии к среднему классу, достижения как древней, так и современной элитарной культуры остаются чуждыми, не имеющими никакого отношения к его внутреннему миру, который был сформирован за годы учебы в средних и высших отечественных учебных заведениях.

* * *

Если попытаться вкратце сформулировать отличие современного гуманитарного образования от методики обучения детей и юношества в древней, средневековой и даже в довоенной Японии (а также от гуманитарного образования на Западе и в России), мы невольно придем к такому многозначному термину, как *симплификация*. Другими словами, то, что раньше изучали серьезно, глубоко и интенсивно, сегодня проходят поверхностно, в усеченном формате и экстенсивно. Соответственно, и знаний в сухом остатке у учеников значительно меньше, чем было у их дедов и прадедов.

По свидетельству многих средневековых авторов, ребенок из самурайской семьи уже в 12–13 лет овладевал необходимым иероглифическим запасом (порядка трех с половиной тысяч иероглифов), а также старинной грамматикой и был готов читать сложные классические сочинения на японском, а впоследствии и на китайском языке. Современный школьник к 16–17 годам овладевает иероглифическим минимумом (порядка 1850 иероглифов) и может читать газеты, современные журналы, а также несложные произведения современных авторов. Бессмертные шедевры классиков XX в. Акутагавы Рюноске или Танидзаки Дзюнъитиро представляют для него очень сложную проблему, поэзия эпохи Мэйдзи практически недоступна, а древние и средневековые тексты (по крайней мере,

прозаические) вызывают священный ужас даже при наличии подробнейших комментариев.

* * *

При беглом взгляде на программы гуманитарного образования в начальной и средней японской школе выявляется немало особенностей, которые и стали в конце концов причиной кризиса гуманитарного образования. Ведь никакой университет за четыре года бакалавриата не может компенсировать студентам упущенное за двенадцать лет их школьного обучения.

В целом курс школьного образования в Японии нацелен не столько на то, чтобы дать ученикам максимум знаний, сколько на то, чтобы адаптировать их к законам, правилам и обычаям коллективного сосуществования. Первые годы начальной школы вообще отводятся преимущественно для морального воспитания детей и выработки у них дисциплины. Освоение слоговой азбуки из 47 звуков растягивается почти на год. Учебники с яркими картинками больше похожи на развлекательные книжечки для малышей, чем на источник системного знания. Учебники в разных школах разные, и основная их задача – привить начатки знаний об устройстве мира, однако рассчитаны они, с точки зрения неяпонца, на детей младшего дошкольного возраста, которые прежде с человеческим окружением вообще не соприкасались.

Впрочем, учебники для второго, третьего и даже четвертого класса не слишком отличаются по концепции и дизайну. Основная их черта – мозаичность, фрагментарность, предельная упрощенность и отсутствие четко структурированной программы, которая бы действительно давала ученикам начатки необходимых знаний о строении Вселенной, земной цивилизации, о странах и народах, а также общее представление об истории и культуре родной страны.

Не столь существенно меняется картина и в старших классах начальной школы (то есть в пятом и шестом). Львиная доля усилий уходит на освоение иероглифики, которую заучивают малыми порциями, по 150–170 иероглифов в год. Учитывая, что минимум состоит примерно из 1850 иероглифов, процесс растягивается на долгие годы и длится почти до окончания средней школы, то есть до конца девятого года обучения. За первые шесть лет (в начальной школе) ученики осваивают всего 1000 иероглифов. Далее обучение идет примерно такими же темпами.

Поскольку по этой причине полноценные тексты дети читать не могут, все учебники в начальной и средней школе представляют собой в большей или меньшей степени адаптированный материал. Сначала в них используется только слоговая азбука *кана*, которой записывается транслитерация простых слов преимущественно японского слоя лексики *ваго*. Затем в тексты вводятся штучные уже освоенные иероглифы, число которых очень медленно увеличивается. Нарращивание иероглифической базы в текстах учебников по всем предметам продолжается до самого конца средней школы, что дает возможность ученикам в конце концов перейти к чтению современных газетных и журнальных текстов.

Что касается книг – как художественной литературы для детей, так и нон-фикшен, то читать их в оригинале детям достаточно сложно даже в восьмом и девятом, а порой и в десятом классе. С учетом такой ситуации многие издательства выпускают адаптированные произведения мировой классики для детей в облегченном пересказе с сильно урезанной иероглификой, к которой дается пояснительный азбучный «перевод» – *фуригана*. Отдельные немногочисленные произведения японской классики, в том числе волшебные повести, выходят в десятикратном сокращении и немыслимой адаптации. Более серьезные произведения – например, героический самурайский эпос – вообще остаются недоступны школьнику. Некоторые эпизоды из них популяризируются только в виде *манга* и *аниме*, а о чтении объемистого оригинала никто даже не помышляет. Японские писатели, специализирующиеся в области детской литературы, обычно сами стараются писать упрощенно, подстраиваясь под школьные нормативы. Современная художественная литература такой адаптации не подвергается, а следовательно, и не читается школьниками.

Адаптация шедевров японской и зарубежной литературы для различного возраста с учетом медленного постепенного увеличения иероглифической и лексической базы составляет огромную сферу деятельности, в которую вовлечены тысячи «переписчиков».

Однако и при наличии адаптированных версий лишь немногие школьники до недавнего времени брали художественную литературу в библиотеках. Виной тому прежде всего совершенно немыслимая занятость ученика средней школы. Помимо уроков в классе

и приготовления домашних заданий ученик, как правило, еще посещает репетиторские курсы *дзюку*, чтобы подойти подготовленным к ответственному моменту поступления в повышенную среднюю школу, а затем подготовиться к еще более ответственному этапу поступления в вуз. Дублирование школьных программ в *дзюку* в сочетании с добровольно-принудительным посещением спортивных кружков и секций отнимает у детей практически все свободное время.

При этом никаких дополнительных занятий гуманитарного профиля, позволяющих расширить школьную программу, в *дзюку* не предусмотрено.

Следует также учесть, что даже в интеллигентных японских семьях родители крайне редко руководят своими детьми в вопросе выбора книг для чтения. По традиции все проблемы образования передоверены школе и *дзюку*. Родители в особых случаях могут только позаботиться об уроках музыки или рисования, но не о системном чтении классики. Что касается школьных учителей новой, послевоенной формации, то их собственный уровень гуманитарного образования просто не позволяет должным образом направлять интересы детей. К тому же учителя еще более, чем родители, ориентированы на школьную программу, в которой гуманитарным дисциплинам отведено последнее место. Вероятно, именно в таком несоответствии потребностей детей и их возможностей чтения кроются причины назревшего кризиса гуманитарных наук в стране.

Однако дело не только в иероглифической грамотности. В Японии, как ни в одной другой стране, издатели и воспитатели проводят жесткую грань между литературой, предназначенной и не предназначенной для детей. Причем во вторую категорию фактически попадают все сколько-нибудь серьезные произведения мировой классики и тем более произведения отечественной средневековой классики, которые априори можно отнести к величайшим литературным шедеврам всех времен и народов, а также современные романы и повести неразвлекательного содержания. По неписаному соглашению считается, что эти книги недоступны разумению школьника, и читать их можно только уже став условно взрослым, студентом.

В повышенной средней школе (последние три года из двенадцати лет обучения) в расписание включены в качестве *обязатель-*

ных гуманитарных предметов нормативный японский язык и классический японский язык. К ним добавляются также *элективы* на выбор или по распределению:

- география, гражданское общество;
 - география и история, современное общество;
 - всемирная история, этика;
 - история Японии, политика и экономика, экономика Японии;
- а также музыка, каллиграфия, английский... (High... 2014).

Как это ни удивительно, в программе японской школы за все двенадцать лет нет предмета «литература». Вместо этого на много лет растянут предмет «родная речь» (то есть, собственно, японский язык *кокуго*), рассчитанный в основном на освоение норм японского языка. Учебники (для каждого класса) представляют собой тонкие брошюры на сотню страниц с упражнениями по грамматике и лексике, но в качестве тренировочных текстов приводятся маленькие отрывки из классики от раннего Средневековья до Нового времени с переводом на современный язык (если это проза) или с подробным переложением на современный язык в случае *танка* или *хайку*. Например, где-то можно встретить главу из бессмертного романа «Повесть о Гэндзи» (X в.), где-то пять *хайку* Басё (XVII в.), где-то одну *танка* Рёкана (конец XVIII – XIX в.) или главку из романа писателя эпохи Мэйдзи Нацумэ Сосэки. К таким отрывкам обычно добавляется биографическая справка на две-три строчки. Чтения произведений полностью или в более развернутой версии от учеников не требуется. Обсуждения материала, а тем более написания сочинений (эссе) на литературные темы программой не предусмотрено.

В учебнике для старших классов также дается пестрая смесь журнальных статей по различным вопросам, пара современных стихотворений новых форм, случайный литературно-критический очерк на вольную тему и тому подобные материалы. Эти фрагменты расположены вразброс и никак не систематизированы в плане истории литературы, культурологии или даже просто истории. Создается впечатление, что авторы учебников намеревались показать ученикам некие достижения национальной литературы в калейдоскопическом хаосе, из которого нельзя вынести никаких позитивных знаний. Но основная цель таких учебников все же – разработка языка.

Кроме того, в старших классах школы проходят краткий курс старояпонского языка (*кобун*) и *камбуна*, японизированного варианта китайского языка, необходимого для чтения старых текстов. Однако поскольку этот курс не включает базового классического китайского (*вэньянь*) и не опирается на достаточную иероглифическую базу, то и эффективность его остается весьма низкой, а объем полученных знаний абсолютно не позволяет читать сколько-нибудь сложные тексты.

В школьной программе также отсутствует системный обязательный курс географии, что нередко порождает курьезные недоразумения уже в студенческой аудитории. Выпускники школ в большинстве своем имеют довольно смутное представление о расположении материков, морей и океанов, о великих реках, озерах и горных цепях, о странах, мировых столицах и крупнейших мегаполисах. Несколько больше им известно о географии Японии, но и здесь остается множество пробелов. Подробных сведений о расах и народах земного шара в учебниках тоже не содержится. Не найти в обязательном школьном расписании и такого предмета, как экономическая география зарубежных стран.

* * *

Историю Японии изучают в разных школах по разным стандартам программ и по разным учебникам. На протяжении нескольких десятилетий начиная с 1950–1960-х гг. в стране не утихали дебаты вокруг учебников истории. Яблоком раздора служили и до сих пор служат события Второй мировой войны и та роль, которую сыграла в них Япония. Хотя вина Японии в развязывании войны была официально признана, степень виновности нации, а также императора Хирохито остается предметом ожесточенных споров. Ученые-историки, а также педагоги демократического толка вот уже несколько поколений пытаются доказать виновность Японии в развязывании войны, в военных преступлениях и зверствах на территории завоеванных стран. Они же требуют указать конкретных виновников трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Сторонники консервативного лагеря, напротив, пытаются обелить императора и военное руководство страны, частично переложить ответственность за развязывание войны на союзников, героизировать действия японской армии и флота. Они требуют от Рос-

сии возвращения Южных Курил, неохотно соглашаются с выплатой компенсации корейским женщинам, насильственно рекрутированным в японские бордели, отказываются признавать геноцидом Нанкинскую резню, в которой погибли сотни тысяч китайцев, и в то же время затушевывают ответственность США за ядерную бомбардировку.

Все эти разногласия нашли отражение в учебниках, которые на определенном этапе должны проходить процедуру утверждения в Министерстве образования, спорта, туризма, науки и техники. В итоге события важнейшего периода в Новейшей истории страны регулярно подвергаются ревизии и, как правило, подаются очень кратко, в расплывчатых амбивалентных формулировках. Многие молодые японцы действительно не знают истинных виновников трагедии Хиросимы и Нагасаки, но при этом ратуют за «возврат северных территорий», местоположение которых им неизвестно. В вопросах истории войны правительство старается избегать провокационных высказываний, но при этом все более явственно поддерживает консервативный лагерь.

В целом же сама Вторая мировая война, итоги войны и послевоенная история Японии в учебниках освещаются кратко и обтекаемо. Хотя сегодня некоторые учебники и содержат упоминание об ответственности японского милитаризма, никакого осуждения зверств японской военщины в Китае, Корее и странах Юго-Восточной Азии в них не найти. В отличие от Германии, Япония не признала официально своей вины за преступления против человечности и не провела чистки, подобной денацификации в ФРГ. Таким образом, все послевоенные поколения (в отличие от их немецких ровесников) не чувствуют никакой моральной ответственности за совершенное их дедами. И наиболее привычный для них социальный гештальт – демократическая, миролюбивая, дружелюбная Япония, пользующаяся уважением во всем мире, – без малейшей оглядки на кровавое прошлое.

Следует также учесть и следующее обстоятельство. Если история Японии и фигурирует как отдельный предмет в средней школе, то всемирная история появляется только в расписании старших классов в виде электива (курса по выбору учащегося). *Вместо* нее можно выбрать углубленное изучение отечественной истории. Та-

кой предмет, как всемирная литература, в школьной программе, как мы уже знаем, вообще не фигурирует.

* * *

Гуманитарное образование в японских университетах в принципе строится по международным стандартам, но имеет свои особенности.

Важнейшей особенностью, конечно, является тот багаж знаний, с которым абитуриенты поступают в университет. Ведь именно на этой основе строится их дальнейшее обучение. Четыре года бакалавриата – достаточно долгий срок, но за это время, посвященное изучению многих жизненно необходимых предметов, просто невозможно компенсировать все упущенное за двенадцать лет учебы в школе.

В России, Германии или Франции студент, интересующийся литературой, начинает усиленно читать книги по более или менее устоявшемуся списку с третьего-четвертого (если не раньше) класса, а в университете только расширяет базу и приобретает соответствующую специализацию. Между тем в современной Японии молодой человек приступает к системному чтению в лучшем случае лишь в последних классах школы, а чаще – но также далеко не всегда – уже в университете. Прочитать необходимые сотни книг он в любом случае уже никогда не сможет, да и вряд ли захочет ввиду очевидной невыполнимости задачи.

То же самое относится к книгам по истории, тем более что литература по всемирной истории изобилует в японском переводе чрезвычайно трудными для восприятия неподготовленного читателя транслитерациями чужеземных имен и названий, а в случае истории Восточной Азии – еще и невероятно усложненной ономастической и топонимической базой иероглифики. Причем иероглифы имен и географических названий читаются в японском произношении, которое совершенно не соответствует принятым во всем мире правилам, основанным на транскрипции оригинального названия, будь то китайское, корейское или вьетнамское слово. Ничего удивительного, что такой материал усваивается с большим трудом и легко забывается.

Типичный школьный учебник по всемирной истории (имеются различные версии) представляет собой нечто вроде конспективного

дайджеста базы данных с кратчайшими описаниями событий в простейших формулировках с приложенными плотно спрессованными картами, что превращает весь материал в неудобочитаемый набор дат, фактов, сложных иностранных имен и схем.

Характерно, что вступительные экзамены на гуманитарные факультеты (литература и искусство), которые учитывают, как и в России, результаты школьных ЕГЭ, по наблюдениям японских аналитиков, продолжают оставаться едва ли не самыми трудными по сравнению с прочими специализациями. Так, проходной балл на этих факультетах в ведущих государственных университетах колеблется от 88 до 93 из 100 возможных, а в частных университетах – от 63 до 69 (Universities... 2013).

Например, экзамен по английскому включает пересказ в письменном виде большого аудиоповествования. Однако вместо сочинения по литературе требуется лишь эссе на вольную тему, а экзамен по истории не проводится вовсе.

Особенностью гуманитарных факультетов в Японии является чрезвычайно ограниченное количество базовых ознакомительных курсов, которые считаются обязательными в России и присутствуют хотя бы в виде элективов в западных вузах: география, всемирная история, история религий, культурология, история языкознания, этнография, культурная антропология, социальная антропология и т. п. Объясняется это прежде всего малочисленностью специалистов широкого профиля и слабой координацией между различными кафедрами и департаментами, призванными разрабатывать комбинированные эстафетные курсы с участием нескольких преподавателей. Правда, в последние годы, после реформы высшего образования 2004 г., спектр базовых курсов имеет тенденцию к расширению.

Вместо курса всемирной литературы, как правило, предлагается курс англо-американской литературы или курс литературы изучаемой страны: Франции, Германии, Испании, России, Китая, Индии. Но и в диахроническом срезе литература и история изучаемого региона обычно преподаются весьма отрывочно и бессистемно. Заявленный курс полностью отдается на усмотрение преподавателя и совершенно не обязательно должен охватывать все области литературы или истории региона с древности до современности, по-

сколькo фактическое наполнение курса контролю не подлежит. Нередко реальная программа курса, например, русской литературы совпадает с узкой сферой компетенции преподавателя. Так, например, в рамках этого курса изучается лишь литература допушкинского периода или же литература постсоветского периода с концентрацией на одном или двух авторах.

При этом необходимо учесть, что на факультете литературы (*бунгаку гакубу*), как правило, отсутствуют курсы по общей теории литературы. Кроме того, студенты отделений западной литературы не изучают ни классической, ни современной японской литературы. И напротив, студенты факультетов японской литературы (*коку бунгаку гакубу*) не изучают западной.

В ряде гуманитарных университетов существуют курсы сравнительного литературоведения (*хикаку бунгакурон*), но за редкими исключениями на должность преподавателя *хикаку бунгакурон* приглашаются иностранные специалисты по какой-либо из западных литератур, которые ведут занятия в меру своего разумения, обходясь без широких обобщений и сравнений. Собственно, и студенты ввиду недостаточности литературного бэкграунда в массе своей просто не способны воспринимать широкий спектр культурологических сравнений с упоминанием книг, которых они не читали, а также жанров, стилей и школ, о которых они не имеют ни малейшего понятия.

Умозрительная философия всегда была чужда японскому менталитету. Принято считать, что вся жизненная философия японцев отражена непосредственно в их литературе и искусстве. В наше время философские факультеты имеются во всех крупных университетах, но для «усредненного» японского гуманитария сложные западные философские концепты и их создатели остаются по-прежнему чуждыми. Если раньше нелюбовь масс к западной философии до некоторой степени компенсировалась широко распространенными и общепринятыми буддийскими философскими воззрениями, то в послевоенный период и они полностью выпали из общеобразовательного цикла, что определило чисто прикладной характер интересов нескольких послевоенных поколений.

Специализированные искусствоведческие вузы и факультеты дают прекрасное образование в области истории, теории и практи-

ки разнообразных искусств, но курсы по литературе в программе университетов, как правило, отсутствуют. Таким образом, выпускник может быть талантливым художником, критиком или историком искусств, но при этом иметь весьма смутное представление о хрестоматийных шедеврах японской и западной литературной классики.

Разумеется, в каждой области японских гуманитарных наук есть счастливые исключения, и говорить о серьезном отставании гуманитарных наук вряд ли стоит, поскольку гуманитарных факультетов в стране очень много и подобные исключения составляют довольно внушительный контингент. К тому же дефицит знаний, возникающий в школе или бакалавриате, желающие могут восполнить в магистратуре, докторантуре и далее, в процессе самостоятельных штудий. Правда, на освоение солидной культурологической базы, которая на Западе закладывается с начальной школы, уйдет на несколько лет больше, но упорным трудом некоторым удается в основном компенсировать этот разрыв.

Тем не менее гуманитариев широкого профиля, имеющих свое суждение о самых различных вопросах истории, литературы, философии и искусства, которые нередки пока в России, Европе и Америке, в Японии сегодня встречается очень немного. Что касается выпускников технических вузов, которых когда-то можно было причислить к категории интеллигенции, то сегодня они в подавляющем большинстве вообще не соприкасаются с гуманитарными знаниями, если не считать таких хобби, как, например, занятия каллиграфией или игра на трубе.

* * *

За последние десятилетия в Японии четко обозначилась тенденция к постепенному замещению серьезного гуманитарного образования его адаптированной и предельно облегченной версией, предназначенной для молодежи эпохи глобализации, информационно-технической революции и всепоглощающей массовой культуры. Даже программа экспорта японской культуры на внешний рынок, провозглашенная МИДом и названная “*Cool Japan*”, предусматривает ознакомление мировой общественности не столько с бессмертным классическим наследием японской культуры, сколько с *манга*, *аниме*, современной эстрадой и современной ли-

тературой. Что касается современной литературы, то, кроме сомнительного гения Харуки Мураками, она тоже не породила за последние десятилетия ни одного автора мировой величины, скатившись (за исключением детективного жанра) к катастрофическому мелкотемью и беспомощному примитивизму. Эти качества японской беллетристики XXI в. становятся особенно очевидны в сравнении с бессмертными творениями Кавабата Ясунари, Танидзаки Дзюньитиро, Акутагавы Рюноскэ, Дадзай Осаму, Ёсикавы Эйдзи, Осараги Дзиро и других классиков минувшего столетия. Оскудела и выродилась также поэзия новых форм. Здесь нет ничего удивительного, поскольку современные писатели зачастую и не читают ни своих великих соотечественников, ни корифеев западной литературы.

Можно с уверенностью утверждать, что за несколько послевоенных десятилетий Япония успешно осуществила переход от общества всеобщей «гуманитарной ангажированности» (состояние, сравнимое с состоянием советского общества 1960-х – начала 1990-х гг.) к обществу развитого консюмеризма. Это современное общество изначально отрицает высокие духовные запросы и пассионарные свершения и делает акцент на заземленных бытовых проблемах, сиюминутных ценностях, повседневных мелких радостях и огорчениях, рутинной работе и стандартизированных развлечениях. Вероятно, сходные тенденции можно отметить в культуре всех развитых стран с достаточным уровнем доходов населения, но Япония как страна «корпоративного разума» и «всеобщего трудоголизма» с ориентацией на гомогенный средний класс далеко опередила соперников.

Современное гуманитарное образование в Японии в принципе не рассчитано на формирование эрудированного индивидуума со своим взглядом на вещи, стремлением к постоянному расширению горизонтов и креативным складом ума. В подавляющем большинстве школьники и студенты, становящиеся со временем взрослыми, ориентированы на соблюдение правил общежития и потребление культурного ширпотреба в виде комиксов-*манга*, бесконечных сериалов *аниме*, слезливых мелодрам, шаблонных детективов, «ужастиков» и самых примитивных развлекательных программ. Даже выпускники гуманитарных вузов, за редкими исключениями охот-

но превращающиеся в офисных клерков, не считают нужным расширять в реальной жизни свой культурный диапазон: продолжать чтение классики, освоение новых пластов истории, изучение шедевров мирового искусства.

Интернет, открывший человечеству возможность мгновенного доступа к вековым сокровищницам знаний, разумеется, сыграл революционную роль в образовании. Однако роль Интернета в развитии естественных и гуманитарных наук неодинакова. Для студентов и ученых в области математики, физики, химии, биологии он позволил сократить драгоценное время на получение необходимой информации. В гуманитарной же области тот же Интернет создал эрзац Знания и иллюзию легкодоступной компетентности, отменяя необходимость чтения книг (всегда можно найти краткий пересказ), запоминания авторов по эпохам, жанрам, стилям (всегда можно заглянуть в телефон), критического осмысления произведений искусства (всегда можно прочесть краткую справку). Другими словами, то, что ранее составляло бэкграунд каждого образованного, интеллигентного человека со школьной скамьи и до гробовой доски, ныне утратило вес и оказалось передоверенным смартфону, как старомодные платья в бабушкином сундуке (откуда их в принципе можно достать, но потребности в том никто не испытывает).

Конечно, творческая элита Японии продолжает создавать штучные шедевры архитектуры и искусства, а хорошо обученные смотрители поддерживают в образцовом порядке музеи, ландшафтные парки и замки. Однако десятки миллионов их соотечественников живут сегодня совершенно иными интересами, которые были привиты школой и университетом.

Вот почему пять лет назад министр образования, культуры, спорта и науки Симомура Хакубун заявил о проекте упразднения гуманитарных факультетов в связи с их полнейшей ненужностью. И хотя протесты профессуры сорвали этот амбициозный план, уже сама постановка вопроса свидетельствует о глубочайшем кризисе гуманитарного знания в Японии.

* * *

В своей книге «Шок в связи с отменой гуманитарных дисциплин» (*The Abolition of the Humanities 'Shock'*, Токио, 2016 г.) вице-

президент Токийского университета Сюнья Ёсими попытался смягчить эффект от заявления министра, утверждая, что СМИ превратно поняли намерения правительства. Тем не менее факт остается фактом: правительство выразило желание избавиться от дисциплин, не приносящих реального высокого дохода и не дающих, в отличие от естественных наук, прибылей в виде прорывных открытий, международных лицензий и патентов, лауреатов Нобелевской и других престижных премий, столь важных в современной наукометрии. Ученые-гуманитарии гораздо реже публикуют статьи и книги на английском и выступают с англоязычными докладами. Если для ученых-естественников публикации на английском сегодня остаются единственным путем в мировое научное сообщество, то гуманитарии, особенно занимающиеся японской литературой и историей, имеют свою, хотя и не столь обширную аудиторию. Они в принципе не обязаны регулярно выступать с англоязычными статьями и могут довольствоваться отечественной научной средой, зачастую слабо связанной с мировой наукой.

В плане повышения международного рейтинга университетов гуманитарные науки действительно не выдерживают конкуренции с естественными, что и было учтено прагматичными сотрудниками министерства. Статьи по гуманитарным наукам чаще всего выходят в ученых записках на японском, так называемых *киё*, а книги публикуются преимущественно только в японском оригинале весьма уважаемыми издательствами наподобие «Иванами сётэн», и лишь считанные единицы имеют шанс на перевод и публикацию в английской версии. Гуманитарные исследования в значительной степени ограничены одним ареалом или одной страной, особенно если речь идет о специфике японской культуры. Они также не дают немедленного экономического эффекта, а порой приводят к нежелательным политическим катаклизмам.

Однако в последние годы правительство сократило финансирование традиционных ученых записок и попыталось материально стимулировать публикации по гуманитарным наукам в международных реферируемых журналах (O'Dwyer 2019).

* * *

Начиная с 2004 г. была запущена экспериментальная программа преподавания всех дисциплин на английском, которая в даль-

нейшем получила широкое распространение среди гуманитарных вузов и факультетов Японии. Застрельщиком кампании выступил Международный университет Акита под руководством выдающегося ученого и организатора науки Накадзима Минэо, в прошлом ректора Токийского университета иностранных языков и президента ассоциации ректоров университетов Тихоокеанского бассейна. В создании и развитии МУА как лаборатории реформ гуманитарного образования на протяжении многих лет участвовал и автор данной статьи. Университеты и факультеты нового типа, в японском чтении получившие название «университет (или факультет) глобалистского воспитания» (*кокусай кёё*), ориентированы в основном на американскую модель гуманитарного образования. Однако и они страдают узостью специализации и дефицитом серьезных базовых курсов по истории, географии, этнографии, религиоведению, не говоря о всемирной литературе.

Литература является наиболее уязвимым звеном цикла гуманитарных дисциплин именно потому, что студенты не имеют практически никакого запаса школьных знаний по предмету. Но даже если бы такая дисциплина, как «всемирная литература» (или «литература Европы и Америки», а тем более «литература Азии»), была включена в программу, прочитать в течение года необходимый объем книг у студентов никогда не хватило бы сил и времени. Поэтому-то в подавляющем большинстве гуманитарных вузов в качестве паллиатива вводится предмет «литература Англии и Америки», предполагающий чтение нескольких произведений.

На специализированных отделениях французского, немецкого, испанского, итальянского, русского языков вместо англо-американской литературы существует предмет «литература изучаемой страны или региона», но отсутствует дисциплина, предполагающая знакомство с широким спектром мировой классики. Японские студенты в послевоенные десятилетия легко обходятся без нее как в школе, так и в университете.

К мировой классике, то есть к разделу избыточных дисциплин, относится ныне и японская литература Средневековья и Нового времени. Доступ к ней получают только студенты факультетов отечественной литературы (также не изучающие зарубежных литературных шедевров – иногда за исключением отдельных англо-

американских авторов). Краткие, часто факультативные курсы по японской литературе на обычных гуманитарных факультетах, как правило, сводятся также к длительному и трудоемкому чтению отрывков из двух-трех произвольно выбранных классических произведений, которое вырабатывает у студентов стойкую идиосинкразию к отечественному литературному наследию.

Действительно, чтение классических текстов для выпускников японских школ с их уровнем владения старописьменным *кобуном* превращается в каторжную работу. А потому на большинстве гуманитарных факультетов, не связанных непосредственно с изучением классических текстов, сложилось неписаное правило: ограждать студентов от неудобочитаемых отечественных памятников, если только обстоятельства непреодолимой силы не требуют обратного. Фактически на все время обучения студенты получают индульгенцию, позволяющую им игнорировать классические шедевры, включая и произведения всемирно известных мастеров XX в. В лучшем случае они знают об этих книгах понаслышке, а в худшем – не знают вовсе. При этом речь идет о том же самом списке литературы, который составляет (в переводах) необходимый минимум для студентов-японистов и просто гуманитариев в западных университетах. Пришествие Интернета окончательно сдуло сакральный флер с классики и отодвинуло ее в сознании новых поколений на самую дальнюю музейную полку.

Если красочные театральные постановки по классическим драмам *но* или *кабуки* имеют свою довольно обширную аудиторию, то книжные версии тех же произведений давно уже пылятся в электронных библиотеках.

Старописьменный японский *кобун*, или *бунго*, со всеми его мудреными разновидностями хотя и продолжает оставаться частью школьных и университетских программ, постепенно все больше выходит из моды, отдаляясь от современных языковых норм, а написанные на нем шедевры уже перешли в категорию архаики, которой не место в современной утилитарной реальности. Конечно, авторитетные коллективы профессиональных литературоведов продолжают работать над выпуском собраний сочинений и больших серий классической литературы, но число читателей подобных изданий неумолимо сокращается.

Аналогичные процессы, бесспорно, наблюдаются и в странах Запада, и в России, но Япония лидирует с большим отрывом в этом печальном соревновании по забвению классики. Способствует углублению пропасти между современностью и классикой также чрезвычайно быстрое изменение языковых нормативов. Если для российского читателя проза конца XIX – начала XX в. воспринимается как вполне современный текст, то для простых японских студентов в третьем тысячелетии тексты столетней давности непомерно сложны и архаичны, причем не только те, что написаны на чистом *бунго*, но и многие шедевры писателей новой формации – таких как Танидзаки Дзюнъитиро или Кикиути Кан. Утонченная стилистика, воспроизводимая с помощью сложной, ныне практически забытой иероглифики, становится камнем преткновения для современного читателя. Переводы зарубежной классики нуждаются в постоянном обновлении минимум один раз в полстолетия, а иногда и чаще. Например, существует три разных японских издания полного собрания сочинений Льва Толстого. Сходная ситуация складывается и с другими классиками, которые постоянно дают работу новым поколениям переводчиков. Правда, это не гарантирует обязательного притока новых читателей, но иногда приводит к взрывному росту читательского интереса. Так случилось, в частности, с вышедшим пятнадцать лет назад новым модернизированным адаптированным переводом «Братьев Карамазовых», который предложил заинтригованному читателю известный русист Камэяма Юкио. Впоследствии ученый муж написал еще и свое «продолжение» к роману, которое, правда, успеха не имело.

В послевоенный период полностью исчез из обращения старый эпистолярный стиль *соробун* со всеми его витиеватыми оборотами и грамматическими формами. Все, что от него осталось, – несколько приветственных и благопожелательных фраз во вспомогательном разделе японского «Ворда».

Трудность освоения *кобуна* с его обширной иероглифической базой и сложной специфической грамматикой породила отчужденное в целом отношение молодежи фактически ко всему массиву литературного наследия. Если раньше именно свободное владение хотя бы отечественным классическим наследием служило мерилom интеллигентности, то сегодня подобные критерии к студенческой

молодежи приложить невозможно. Собственно, никто и не пытается их прикладывать. Такие перемены фактически свели на нет интерактивную составляющую японской поэзии, которая зиждилась на равно свободном владении классическими текстами со стороны автора и со стороны читателя-слушателя.

Правда, уважение к «гуманитарной учености» и ее носителям, особенно писателям, поэтам и философам, по-прежнему присутствует в обществе потребления, но чтение классики в должном объеме уже не входит в число приоритетных требований даже к ученому мужу и тем более – к его аудитории.

Тем не менее в Японии можно найти довольно многочисленные сообщества образованных людей, проявляющих интерес и к средневековой поэзии, и к классическому театру, и к балету, и к опере, и к современной американской прозе, но все это – совершенно разные, обособленные круги. Иначе говоря, если до середины прошлого века носителям гуманитарного знания и их поклонникам был присущ *эстетический универсализм* (то есть стремление охватить как можно более широкий спектр высших достижений гуманитарной мысли), то сегодня ему на смену пришел *компартиментализм* – увлечение одной-единственной самодостаточной областью знания и творчества в ущерб остальным.

С другой стороны, бытовая культура Японии, которая всегда была на очень высоком уровне, включая в себя множество элементов профессиональных ремесел и искусств, значительно усовершенствовалась в связи с ростом благосостояния и прогрессом технологий. Многовековое культурное наследие страны продолжает оказывать значительное влияние на жизнь населения в XXI в., но преимущественно в прикладном, а не в духовном аспекте. Так, например, скорописный иероглифический свиток с изречением дзэнского философа, висящий в японском ресторане, когда-то, лет двести тому назад, мог прочитать каждый. Сегодня смысл надписи доступен лишь избранным редким специалистам, а имя автора и вовсе почти забыто. Но свиток по-прежнему висит на своем месте и радуется глаз посетителей. И всегда найдется каллиграф, которому можно заказать такой свиток для нового ресторана или клуба.

* * *

В итоге Япония все еще сохраняет имидж страны нерушимых культурных традиций, но такой имидж лишь весьма условно соот-

ветствует истинному положению вещей. Из страны всеобщей литературной грамотности, основанной на классической литературе, Япония за последние десятилетия превратилась в страну всеобщей литературной безграмотности, в которой тем не менее остались «хранители огня» – достаточно многочисленные профессионалы, поддерживающие гуманитарные исследования в своем дисциплинарном сегменте, издающие большие и малые книжные серии классики, публикующие новые работы по литературоведению и искусствоведению. Есть также специалисты по всем видам искусств и ремесел, есть мастера со званием «национальное сокровище», но все они существуют в своем четко очерченном замкнутом пространстве.

Хотя аналогичные процессы имеют место на Западе и в России, для Японии модернизация и глобализация оказались в большей степени деструктивны, поскольку они фактически резко снизили, а местами просто уничтожили интерес масс населения к культурному наследию предков. *Манга* и *аниме* пришли на смену популярным литературным памятникам, декоративные коллажи – на смену дзэнской живописи. Любительские стишки вытеснили творения подлинных мастеров, растворив их в массе литературных поделок, так что за последние полвека в мире хайку не появилось ни одного значительного имени. Самым известным автором танка с начала 1980-х гг. остается Тавара Мати с ее сборником «Праздник салата» («Сарада кинэнби») – примитивным ассорти из жеманных девичьих пятистиший, выдержавшим рекордный тираж более двух миллионов экземпляров. На этом фоне работы настоящих поэтов теряются и уходят в густую тень, а интерес молодежи к классике окончательно притупляется. По сути, именно «праздники салата» и становятся современной классикой.

Как правительство, так и администрация различных культурных организаций и центров сегодня взяли курс в основном на массовую эрзац-культуру, воплощенную в их идеале *Cool Japan*, где классическому наследию отводится роль декоративной вывески для мировой общественности, в последнюю очередь предназначенной для внутреннего пользования. Очевидно, культурная политика, затрагивающая также сферу образования, не изменится в ближайшие годы, и Япония XXI столетия сохранит скорее оболочку своих культурных традиций, чем их истинный дух.

Литература

Белов, А. В., Золотов, А. В., Золотова, М. В. 2014. Реформирование системы высшего образования в Японии: опыт, значимый для России. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки* 3(35): 197–205.

Education System in Japan. N. d. *Motivist Japan*. URL: <https://www.motivistjapan.com/education-system-in-japan/#link1> (дата обращения: 20.11.2020).

Education in Japan Community. N. d. URL: <https://educationinjapan.wordpress.com/> (дата обращения: 20.11.2020).

Higher Education In Japan. N. d. *Academia*. URL: https://www.academia.edu/Documents/in/Higher_Education_In_Japan (дата обращения: 20.11.2020).

Higher Education Reform in Japan – Update. 2015. *Australian Government. Department of Education and Training*. URL: <https://internationaleducation.gov.au/International-network/japan/countryoverview/Documents/Higher%20education%20reform%20in%20Japan%20-%20update%20June%202015.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

High Schools in Japan. 2014. *Facts and Details*. URL: <http://factsanddetails.com/japan/cat23/sub150/entry-2804.html> (дата обращения: 20.11.2020).

Japan. N. d. *Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/education/Japan> (дата обращения: 20.11.2020).

O'Dwyer, S. 2019. Must Japan's Humanities Go Global? *The Japan Times*. April 11. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/04/11/commentary/japan-commentary/must-japans-humanities-go-global/> (дата обращения: 20.11.2020).

高等教育の“日本病” (Высшее образование в Японии). 2012. *Nippon.com* 02.29. URL: <https://www.nippon.com/ja/in-depth/a00602/> (дата обращения: 20.11.2020).

Universities in Japan: Ranking, Student Life and Problems. 2013. *Facts and Details*. URL: <http://factsanddetails.com/japan/cat23/sub150/item828.html> (дата обращения: 20.11.2020).